

Сергей Наумов

Взведенный курок

Сергей Наумов

Взведенный курок

Наумов С.

Взведенный курок / С. Наумов —

Сергей Наумов относится к тем авторам, кто создавал славу легендарного ныне "Искателя" 1970 – 80-х годов. Произведения Наумова посвящены разведчикам, добывавшим сведения в тылах вермахта, и подвигам пограничников.

Содержание

Капитан Стриженой	5
Гомозков и Агалыцов	9
Гонда	11
Агалыцов	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Наумов

Взведенный курок

Капитан Стриженой

– На девятом непонятное, товарищ капитан... Обнаружен след в наш тыл...

Старшина Ива Степанович Недозор стоял навтыжку, напряженно. Знаменитые на весь отряд запорожские усы чуть шевелились.

Начальник заставы Андрей Стриженой знал эту привычку старшины после доклада бормотать еще что-то неслышное.

Капитан проснулся мгновенно, как только скрипнула дверь. С тех пор как уехала Нина, он не запирает двери на ночь. Стриженой взглянул на часы – четыре часа ночи.

– Так что же непонятного на девятом, Ива Степанович?

– След непонятный, товарищ капитан... В единственном числе... И опять же вроде шаровая молния границу нарушила...

– Кто у нас на девятом?

– Эстет... Простите, товарищ капитан, Агальцов. Десять минут назад он включился в розетку и доложил, что видел своими глазами удивительное и редкое явление природы – шаровую молнию больших размеров на расстоянии примерно полукилометра.

– След на контрольно-следовой полосе?

– КСП на участке проходит по ложбине, там и в сухое-то время мокро, а сейчас – озеро, должно быть... След обнаружен у сломанной ольхи, что над ручьем. Агальцов решил молнию проследить. Пока бежал, молния исчезла в лесу, тогда он немного углубился в тыл, тут и увидел след. Он его лапником закидал, чтобы не смыло, и к розетке бегом. Задача ему поставлена держать след, пока не прибудет Гомозков с Мушкетом.

– Так...

"На девятом – это плохо, – думал Стриженой. – Плотный лес с густым кустарником, два оврага, ручей, выводящий к старому замку. И Агальцов... Молодой, неопытный солдат... Эстет... Придумают же..."

Капитан быстро оделся, оглядел старшину. Тот стоял, выпятив грудь, всем видом показывая, что готов возглавить поисковую группу.

"Не потянет, – мелькнула мысль, – пятьдесят два года, три ранения, две контузии. Пойду сам. Обидится старик. Отца вспомнит. Потом объясню..."

– Ива Степанович, – мягко сказал Стриженой, – останетесь за меня. Оповестите все пограничные наряды, позвоните соседям. Сообщите в отряд о нарушении. И вот еще что – Гордыню с Даниловым к старому замку...

Старшина опустил голову:

– Есть...

– А я с "тревожной"... Буду звонить...

Туман и мелкий моросящий дождь. Хуже погоды не придумаешь. А ведь еще не шумела осенняя ярмарка листопада, не кричали в небе журавли, хотя осень и чувствовалась в звонкости воздуха по утрам, в шорохе усыхающих на болоте камышей, в легкой багряности осинновых листьев. А дни-то какие стояли – тихие, солнечные. И вдруг, словно по чьему-то приказу, погода изменилась в одну ночь. Заволокло небо, и заморосил нудный, затяжной дождь. Из распадков и низин хлынул туман и укутал горы в плотную вату.

Пятый год пошел, как Стриженой принял заставу, а все не привыкнет к таким вот природным метаморфозам.

Внезапный порыв ветра рванул космы тумана, и провода антенны без обычной летней распушенности боязливо натянулись и тягуче залопотали: "Сты-нем, стынем". В тумане прошелестели чьи-то большие крылья.

И аистам не спится. Тревога разбудила птиц. Счастливая застава, говаривали в отряде, на трубе гнездо аисты свили. А оно, гнездо это, Яде до войны было, а потом, еще при отце, когда он принял заставу, аисты вернулись.

Мысли об отце знакомым теплом толкнулись в сердце, и оно защемило застарелой болью. Отец... Он погиб здесь такой же дождливой осенью.

Случилось это в тысяча девятьсот сорок девятом. Пограничники и истребительные отряды из местных комсомольцев теснили и дробили банды националистов-бандеровцев. Самолеты выслеживали дымы костров в глухих лесах, местные жители проводили воинские подразделения сквозь непроходимые болота, крестьяне отказывали бандитам в продовольствии.

Осенью сорок девятого основные силы бандеровцев были разгромлены. Отдельные банды стали прорываться по указанию Бандеры через границу. Они стремились пробиться в Западную Германию. Самый короткий путь туда был через территорию Чехословакии. Прорыв осуществлялся сразу в нескольких местах.

Удар одной из банд пришелся на заставу капитана Павла Стриженого. Высланное подкрепление задержалось в пути – бандеровцы взорвали мост через горную реку. Застава, поднятая в ружье, заняла оборону на участке от старого замка до стыка с соседней заставой. Два часа длился неравный бой. Бандитов сдерживал ручной пулемет, за которым лежал сам начальник заставы. Его поддерживал огнем автомата сержант Ива Недозор. Древняя разрушенная башня замка прикрывала пограничников.

Оуновцы открыли по башне огонь из минометов, а выкатившийся неведь откуда грузовичок, обложенный мешками с песком, почти вплотную приблизился к развалинам замка, и оттуда застрочили из двух спаренных пулеметов.

Капитан приказал Недозору подорвать грузовичок с пулеметами, сам же сменил позицию и внезапно ударил по врагу из-под козырька сохранившейся крыши.

Двумя связками гранат сержант подорвал бандеровский "броневик", но был ранен в плечо и в голову и потерял сознание.

Стриженой, трижды раненный залетающими под каменный козырек осколками, продолжал сдерживать банду, пока пущенная бандеровским снайпером пуля не сразила его.

А вскоре подоспела помощь из отряда, и банда была почти вся поголовно уничтожена.

... "Тревожная" группа ждала во дворе заставы – лучший следопыт отряда Гомозков с неразлучным Мушкетом, рядовые Заборов и Колашник. Во дворе урчал мотором газик. Капитан заметил в кабине водителя Хачика Месропяна.

Через минуту они уже мчались сквозь косую пелену дождя.

"Так что же случилось в девятом квадрате?" – думал Стриженой. Вода скрыла следы на контрольно-следовой полосе. И каким же чудом заметил единственный отпечаток у ручья рядовой Агальцов! На девятом много воды – вот она разгадка: болота, ручей и дальше три озера, и еще дождь, который сделал ручей полноводным, а болотца почти непроходимыми. Почти. На границе нет такого понятия. И не с божьей помощью перемахнул нарушитель КСП. Агальцов заметил след, когда, увлекшись погоней за шаровой молнией, вышел к ручью. Ручей на девятом близко подходит к КСП. Значит, нарушитель прошел по воде с сопредельной стороны и, пользуясь непогодой, дошел до ручья. А может быть, он даже заметал след. И вот ошибся. Один-единственный раз. И не заметил этого. Или не захотел заметить, не обратил на столь незначительный факт внимания. А вот глазастый Агальцов заметил след и поднял тревогу.

Капитан думал о совпадении. Агальцов увидел молнию и затем в том же квадрате обнаружил след. Какой же давности? След не мог быть старым, иначе его смыло бы дождем. Значит, след мог появиться сразу после молнии. Уж не с ней ли связано нарушение границы?

Стриженой в позапрошлом году сам видел шаровую молнию. Перед грозой. Огненный шар величиной с футбольный мяч, словно живое существо, медленно двигался над склоном горы, пока не пропал в ущелье.

"Нужно расспросить Агальцова, что же он видел с расстояния пятисот метров, да еще в тумане. Но это потом. Главное сейчас – перекрыть выходы к шоссе, ведущему в город. Именно туда и будет стремиться нарушитель. Район заблокируют. Если нарушитель не успеет за полтора часа добраться до шоссе, что мало вероятно, то он в мышеловке. На что же он надеется? Может быть, на шоссе его ждут с машиной и он идет по самой короткой прямой? И все равно ночью в лесу быстро не пойдешь. За полтора часа к дороге не выйти. Тогда что же?.."

Стриженой ставил себя на место нарушителя, искал выход и не находил.

Капитан годами приучал свой мозг в минуты наивысшего напряжения выполнять только одну работу – сопоставлять, анализировать, делать неторопливые выводы. Мысли образовывали как бы замкнутый круг: слышу, вижу, вспоминаю, сопоставляю и думаю, думаю, ищу единственно верное решение.

Стриженой никогда не считал нарушителей глупыми – тут сказывался опыт его предшественников и его собственный опыт. Он проштудировал сотни документов, лаконично повествующих о задержании, просмотрел огромное количество стенограмм допросов пойманных нарушителей, в свое время подивился их изощренности в подготовке перехода границы, их остроумным внезапным ходам. И теперь Стриженой понимал, что имеет дело с хитрым, коварным врагом, скорее всего, человеком местным, возвращающимся из-за кордона.

На небольшом, в сущности, клочке земли поведется ожесточенная борьба умов, характеров, опыта и интуиции. Капитан предполагал: нарушитель имеет резервный вариант на случай неудачи, возможен и обратный прорыв границы, поэтому он и поднял заставу по тревоге. Через час пробудится весь район, и круг замкнется. Отряды колхозных дружинников блокируют непроходимые чащи, протянутся цепью вдоль скалистых склонов, как бы отрезая полный тайн мир пограничной полосы от шумного, многолюдного мира городов и сел, от вечно живых артерий – дорог.

Солдаты из пограничного отряда, поднятые по тревоге, закроют все проходимые и непроходимые черные тропы, умело замаскировавшись, замрут, застынут в ожидании, чутко вслушиваясь в шорохи, отыскивая среди них тот единственный, который рождает шаг человека.

Стриженой знал, как редко случается на границе задержать настоящего матерого нарушителя. Иной прослужит всю жизнь, но так и не столкнется с человеком, который долгие годы готовился к переходу. Асы разведки не каждый день прорывают границу. Но ты готовишься к этой встрече всю жизнь, и, если настал твой час, ты отдаешь всего себя борьбе, поиску, схватке.

– Агальцов... – сказал Гомозков, нарушая раздумья командира.

– Где?

– Справа, в сорока метрах от поворота.

Капитан приказал остановиться и выскочил из машины. На темной стене леса тускло мерцала яркая точка. "Курит!"

Капитан выслушал доклад подошедшего пограничника, спросил:

– Курили?

– Курил, товарищ капитан, – опустил голову солдат, – захолодился на одном месте, вода кругом.

– Гомозков, займитесь следом... А вы... – Стриженой смерил Агальцова строгим взглядом, – покажете место, где видели шаровую молнию.

– Есть... – Агальцов повел рукой в сторону болотца: – Сперва она пришла от границы, а дальше я не видел.

– Какая она была, когда вы ее обнаружили? Опишите...

– Когда увидел, вроде как фара у газика, только больше в размерах и поярче. Туман был, товарищ капитан... Много не увидишь. Хотя по манере все это напоминает Клода Моне, знаете, есть такой французский художник. Так вот у него Нотр-Дам написан в сплошном тумане, получилось вроде видения, ирреально все, вроде есть и вроде пригрезилось.

– А если без Моне?.. – усмехнулся капитан. – Не пригрезилась вам, Агальцов, эта самая молния?

– Никак нет. Я в том месте, где молнию засек, лес обследовал. Деревья в округе подпалены... Чувствуете, пахнет...

"Вот тебе и первогодок, – думал Стриженой, – и с обонянием у него полный порядок, и времени даром не терял".

Во влажном воздухе стойко держался запах горелого дерева.

Подошедший Гомозков доложил:

– След часовой давности, товарищ капитан, размер обуви сорок три, сапоги с подковами, новые. Рост нарушителя за метр восемьдесят пять, вес... вес за сто сорок, товарищ капитан, остальное только Мушкету известно.

– Так... Говоришь, с подковами сапожки. На счастье подковки приколотили, Гомозков, а? И вес... А может быть, нес он что-нибудь... След нужно искать, Глеб. По ручью ведь пошел.

– По ручью, товарищ капитан.

– Значит, где-нибудь выйдет. Возьмешь Агальцова – и вверх. Я еще побуду здесь – и вниз спущусь...

– "Попрыгунчик", товарищ капитан?

– Не знаю, Гомозков. Нужно посмотреть, что на КСП в ложбине. Держи связь с заставой. Там Недозор...

– Есть, держать связь с заставой.

Агальцов и Гомозков с Мушкетом неслышно растаяли в тумане.

Гомозков и Агальцов

Теперь они бежали, отстав друг от друга на добрую сотню метров. Впереди Гомозков с Мушкетом на длинном поводу, за ним – худой, жилистый Агальцов.

Собака взяла след, едва пограничники прошли полкилометра вверх по ручью. Два часа без передышки шел поиск. И вот надо же: Мушкет потерял след, кружил по поляне с тремя стогами сена, тыкался носом то в один стог, то в другой, жалобно скулил, потом сел, вывалив язык и тяжело дыша, словно бы моля об отдыхе.

– Ищи, Мушкет, ищи... Ну, Мушкетик... милый... уйдет ведь он...

Гомозков уговаривал собаку, поглаживая ее мокрую голову.

Далеко в горах высверкивали молнии, здесь же в долине ровно шумел дождь.

– Что? – выдохнул подбежавший Агальцов.

– Похоже, Мушкет след потерял... – угрюмо отозвался проводник.

Агальцов сразу поскуливал.

– Значит, спрашиваем – отвечаем... Как звали моего предка, который жил при Иване Грозном? Ответ – Лифантием...

– Ты бы лучше осмотрел местность, чем трепаться, – не то приказал, не то попросил Гомозков.

– Ладно. Я сейчас залезу вон на ту сосенку и гляну разом на синий город Севастополь.

Агальцов слыл мастером турника. Вскоре его жилистое тело замелькало где-то возле самой вершины.

Гомозков устало присел на поваленный бурей старый дуб.

Надежда, что Мушкет снова возьмет след, не оставляла следопыта. Дождь, конечно, мешает собаке, но и еще что-то. Ведь след-то свежий, и что Мушкету дождь, если он не вынюхивает землю, как другие, а ведет проводника по запаху, оставленному чужим человеком в общей атмосфере данной местности.

Значит, что-то еще мешает собаке.

Гомозков знал, на какие ухищрения идут нарушители, чтобы замести след. Табак, рассыпанный на тропе, – самое простое. Гомозков встал, потянул ноздрями влажный плотный воздух. Его насторожил сам воздух. В нем таился какой-то запах, незнакомый, совершенно чуждый многочисленным лесным запахам. Словно жгли здесь недавно не то пробку, не то...

"Газ", – пришла внезапная мысль. Вот что мешает Мушкету.

Агальцов шумно прыгнул на землю.

– Нет, ты мне скажи, шотландцы носят комбинацию? А? Небо в мехах до самого Рижского залива, товарищ сержант. В полумиле, курс зюйд-вест, большая поляна, и на ней опять же три стога сена. Надо бы посмотреть...

– Посмотрим. Обязательно. Отдохнем чуток... Мушкет выдохся.

Агальцов удивленно уставился на товарища:

– Здесь он, твой дядя с подковами. И недалеко... Достанем... Ты вот лучше мне скажи, Алеша. Вроде ты и грамотен... Биографии великих людей читал, разные картины видел, а живешь не думая.

– А чего думать, если все понятно... К примеру, на сей момент: Мушкет твой едва плетется, потому что старшина лишний кусок мяса пожалел собачке.

– Потяни-ка своим длинным носом. Потяни как следует... – Агальцов шумно со свистом вдохнул в себя воздух. – Чуешь что-нибудь?

– А что? Костром вроде пахнет.

– В котором сжигали пробки из-под Прасковейского портвейна...

– Вроде так...

– Значит, не померещилось, – пробормотал Гомозков. Теперь следопыт был уверен: нарушитель где-то рядом. Он тоже не двужильный, устал и явно сбавил обороты, а чтобы сбить собаку со следа, пустил в ход последнее средство – баллончик с газом.

Гомозков взглянул на Мушкет. Тот зябко вздрагивал всем телом, лежа в кустах, и грустными глазами смотрел на хозяина.

– Нужно идти, – сказал человек собаке, и она послушно встала.

– Еще немного – и мы достанем его, Мушкет. Алексей, смотри в оба, автомат с предохранителя и... тихо. Пойдешь следом, дистанция пятнадцать метров... Вперед...

Гонда

Он исходил здесь каждую тропинку еще в детстве. В Мюнхенском центре знали, кого посылать для прорыва границы. Каких только кличек для этого человека не придумывали за рубежом! Сколько псевдонимов и фамилий сменил он за четверть века, работая по заданию службы "серого" генерала Гелена на территории Польши и Чехословакии! Давно кончилась война. Для него же она не кончалась никогда. В сорок девятом с остатками разбитой оуновской банды он бежал из родных мест, через территорию Чехословацкой республики пробрался в Мюнхен и работал в штабе Бандеры. Он и сам иногда забывал свою настоящую фамилию. И имя. Но не было человека на земле, по которой он сейчас шел, кто бы забыл его последнюю кличку – Марко Палач. Сейчас ему пятьдесят один год, но в плотном, плечистом теле угадывается незаурядная сила и ловкость, все так же зоркие глаза и острый слух.

Он хорошо знал, как будут действовать пограничники. Ничего нового они не придумают. Заблокируют зону, перекроют дороги, обшарят старый полуразвалившийся замок. Найдут тело Цацуры, если он не успел уйти обратно и умереть на территории так любимой им Чехословакии. И начнут свой знаменитый прочес. Сеть будет плотной – тут и весь погранотряд, и заставы, и дружинники, и местная милиция. Может быть, и еще кто-нибудь. А он не будет торопиться. У него есть время. Продукты. Уютный спальник на гагачьем пуху. А главное – логово, в котором он будет заниматься гимнастикой и спать, строго соблюдая режим, предписанный добродушным, веселым немцем по фамилии Веттинг.

В центре позаботились, чтобы он не походил на прежнего Гонду. Две пластические операции – пустяки в сравнении со страхом быть узнанным.

Гонда не доверял никому. Не доверял и не верил. Это стало законом его жизни давно. Может, поэтому он и решился на довольно рискованный шаг – подслушать разговор тощего американца, прикатившего в дом под Мюнхеном перед самой заброской. Он предчувствовал, что разговор пойдет о нем. В тот день Гонда должен был бежать двадцатикилометровую дистанцию. Это входило в подготовку к переходу. Веттинг доверял ему и не контролировал, Гонда пробежал половину дистанции и скрытно вернулся к спрятанной в густом лесу вилле. Обмануть охрану не составило большого труда. Давно уже матерый агент изучил систему постов на подходе к дому. Рисковал ли он? Безусловно. Но он хотел знать, что думают о прорыве границы и о нем самом Веттинг и тощий американец. И он полз, затаив дыхание, к распахнутым окнам кабинета шефа мюнхенского отделения разведки Аларда Веттинга, словно переходил границу.

Разговор записался в памяти дословно. Тогда же он узнал фамилию американца – Фисбюри. Впрочем, это могла быть и не настоящая фамилия.

Фисбюри. Я хотел бы повидать агента.

Веттинг. Получите его в полдень после кросса...

Фисбюри. Вы словно готовитесь к чемпионату мира по боксу...

Веттинг. В нашем деле и одна недотренированная мышца может все разрушить.

Фисбюри. И все же почему он?

Веттинг. Наш лучший агент. Знает местность – как это у русских? – как свои пять пальцев. Рожден в тамошних местах. Опасность быть узнанным мы ликвидировали. Две операции сделали его неузнаваемым.

Фисбюри. И все же риск...

Веттинг. Он не сдастся. В любом случае пограничники получают только тело.

Фисбюри. Еще бы... такие грехи не замолить. Но я не об этом. Риск быть узнанным – риск провала всей операции. Почему бы не попробовать в другом месте?

Веттинг. Именно на этом участке у агента на границе личный схрон. Никто, кроме Козырногого, как мы предполагаем, об этом не знает. Запас продовольствия рассчитан на две недели.

Больше пограничникам держать войска в зоне не позволят. И тогда Козырной спокойно покинет убежище и, замаскированный под грибника, Черным бором уйдет к шоссе. Иохим, когда нужно, умеет стать невидимым, хотя риск определенный есть... но ведь он есть всегда.

Фисбюри. С какого года существует схрон? И кто его построил?

Веттинг. Никто. Козырной нашел его еще в сорок седьмом году. Схрон – это скрытая пещера с тайным лазом. Лаз же служит и вентиляционной трубой. Кое-что Иохим за годы оуновского движения там переделал, но без свидетелей. Кстати, этот схрон дважды спасал его от "ястребков" – так называли в частях Бандеры истребительные батальоны Красной Армии.

Фисбюри. Кроме ненависти к Советам, что еще стимулирует Козырного?

Веттинг. Деньги. На его счет в Мюнхенском банке...

Фисбюри. Понятно.

Веттинг. Но это не все. Козырной вернется и... станет легендой, героем...

Фисбюри. Вы хотите "расшифровать" агента? Не рано ли? В случае удачи – годовой отпуск, пусть съездит в Штаты. Кстати, там и потратится... Соблазнов много. Вернувшись, он захочет заработать. И тогда...

Веттинг. Нужно быть благодарным таким людям, как Иохим. У него огромные заслуги и опыт, которого недостает молодым агентам. После возвращения Козырной останется работать инструктором в одной из разведшкол.

Фисбюри. Вы неисправимый альтруист, Алард... Но оставим это... Козырной пойдет с прикрытием?

Веттинг. Да. Сразу за контрольной полосой агент прикрытия двинется в противоположную маршруту Козырного сторону. Вода скроет следы. Через час он должен совершить обратный прорыв границы, чтобы дезориентировать пограничников, отвлечь их...

Фисбюри. А если его схватят?

Веттинг. И это тоже предусмотрено, сэр...

Фисбюри. Не слишком ли громкое кодовое название операции – "Взведенный курок"? Как это по-немецки?..

Веттинг. "Деспаннт Хан". Романтично и изящно... И соответствует действительности – у моего агента реакция взведенного курка. Вы можете убедиться в этом сами. К операции привлечены кроме "носильщика" еще двое: связной в городе, кличка Чибис, база и канал информации, и наш резидент в регионе Южного Урала... Но основная тяжесть по выполнению задания ложится на Козырного. Он должен проникнуть в расположение интересующего нас объекта, взять пробу грунта и ночью сфотографировать "новостройку"... А сейчас я хочу показать вам место перехода. Пройдемте к карте...

Гонда отполз от окна и вернулся на кроссовую тропинку. То, что он услышал, обрадовало его. Ореол героя, который прочил ему Веттинг, его не волновал. А вот годовой отпуск, деньги и возможность после возвращения осесть наконец на одном месте вполне устраивали агента. Гонда устал рисковать, хотя не хотел признаться в этом даже самому себе.

Вот и сейчас нервы на пределе. Ручей, по которому шел Гонда, уводил в сторону от КСП. До схрона двадцать минут пути. Больше всего Гонда боялся сейчас, как бы не кончился дождь. Погода для прорыва была выбрана лучше не придумаешь. Дождь и туман. И все же Гонда прихватил с собой и порошок с ядохимикатом, и небольшую металлическую щетку для затирания следов. До замаскированного лаза от ручья нужно сделать пятьдесят шагов по горному склону. И каждый – след.

Агальцов

Взвизгнул Мушкет. И, словно споткнувшись, ткнулся мордой в землю. Гомозков мгновенно вскинул руки с автоматом к груди и тотчас почувствовал острейшую боль в левой, той, что успел прикрыть сердце. Вражеская пуля ударила в приклад и отрикошетила в кисть руки. Он упал между кочек так, как падают сраженные наповал точным единственным выстрелом в десятку.

"Бесшумный пистолет", – успел подумать Глеб, и тут же мысли его метнулись назад – ведь Агальцов идет шагах в двадцати за ним и через несколько секунд выйдет на кочкарник, на открытое пространство.

"Я не могу пошевелиться – он меня видит и думает, что я убит, – иначе вторая пуля. Что же делать?"

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.